

25 ИЮЛЯ ВАСИЛИЮ МАКАРОВИЧУ ШУКШИНУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ГОТОВИТСЯ КНИГА «О ШУКШИНЕ. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ». СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ РАССКАЗ НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР ЛЕОНИДА КУРАВЛЕВА, ВОШЕДШИЙ В ЭТОТ СБОРНИК.

НЕОЖИДАННЫЙ ВАРИАНТ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВАСИЛИИ ШУКШИНЕ

Летом 1960 года мне позвонил ассистент режиссера и пригласил приехать на «Мосфильм» в киностудию «Из Лебяжьего сообщают». Вот тогда-то я впервые сказал Василию Макаровичу Шукшину «здрасьте», войдя в кабинет. Вошел — и вспомнил...

Мы оба кончили ВГИК, в том же 1960 году. Он учился на режиссерском факультете, а я — на актерском. За годы учебы по сюжету студенческой жизни я имел избыточное количество встреч с разными людьми, многие из которых просто забылись. Но, взглянув на Шукшина, я сразу вспомнил, что видел его за все время учебы лишь дважды — мелькнул он как-то в фойе института. Не странно ли, что он запомнился?

Но дело в том, что Шукшина в те годы из толпы студентов резко выделяла прежде всего необычная одежда: если так можно выразиться, непокладистость ее мгновенно оставляла ощущение вызова: одет он был необычно и строго — гимнастерка, галифе, сапоги. Это в киноинституте-то! Василий Макарович был худ, чуть сутулился, ходил неторопливо, в то же время бодро, деловито; взгляд его упирался в землю.

«Из Лебяжьего сообщают» — дипломная работа Василия Макаровича, двухчастная; ее после смерти Шукшина показывали в «Иллюзионе». Люди, любящие Василия Макаровича, могли увидеть и понять истоки его творческого пути. То было брошенное в кинематографическую ниву семя, из которого потом высоко взметнутся сильные побег: Шукшин-писатель, Шукшин-режиссер, Шукшин-актер, поскольку он выступил как автор сценария, режиссер и актер.

В фильме я играл Сеню Громова — механизатора, мучающегося по всему району в горячую пору страды в поисках дефицитного колесчатого вала. По сути, Сеня Громов — эскиз к будущей роли Пашки Колокольникова из фильма «Живет такой парень»: наивный, никогда не унывающий, сообразительный, общительный, добрый. Сеня, как и Пашка, заикается, только в отличие от своего более счастливого наследника заикается натужно, так, что в конце концов бросает фразу на полпути, не договорив, и в бессильной досаде машет рукой — мол, и так ясно, о чем речь.

Сене Громову я навек благодарен за то, что он познакомил меня с Василием Макаровичем Шукшиным.

А когда был написан «Живет такой парень», каким-то образом стало известно, что сценарий удался и главная роль в нем очень и очень хорошая. Я знаю немало актеров, ныне известных, которые хотели сыграть Пашку Колокольникова. Но опять же, Сеня Громов, «виноват» в том, что поиск испол-

нителя роли Колокольникова в общем-то и не начинался: задумывая картину, Василий Макарович уже имел в виду меня...

Мы очень много тогда репетировали, изобретали, фантазировали, шутили, смеялись, постоянно обыгрывали заикание Пашки и упустили тот момент, когда нужно идти в павильон и снимать кинопробу. Произошло то, что хорошо известно в театре и в кинематографе: мы зарепетировали роль. Как говорят в спорте, я перевалил за пик формы и начал «снижаться». Один раз я даже сказал Шукшину:

— Я так устал от Пашки, что если б встретил его, то убил.

По этой причине, когда состоялась кинопроба, художественный совет Студии имени М. Горького во главе с С. А. Герасимовым нас, мягко выражаясь, не похвалил. Было сказано:

— Очень слабо, вяло и неинтересно.

Сергей Аполлинариевич спросил Шукшина:

— Верить этому актеру?

— Верю! — ответил Василий Макарович.

— Ну, тогда снимай. Только учти: по первой картине будут судить о тебе как о режиссере.

Так я понал на роль...

Должен сказать, что Шукшин приглашал меня во все свои картины, хотя сниматься довелось только в трех: первой, дипломной, «Из Лебяжьего сообщают», затем в «Живет такой парень» и «Ваш сын и брат». Например, в «Странных людях» он приглашал меня на роль Чудика, потом в ней снялся Сергей Никоненко, а в «Калину красную» — на роль официанта, которого прекрасно сыграл Лев Дуров.

В «Печках-лавочках» я должен был играть главную роль.

Не смог я тогда сказать откровенно, что не буду играть. Просто не смог. Ситуация у меня тогда сложилась довольно необычная для многих актеров, проработавших в кинематографе уже не один год: мне надоело выступать в тех ролях, в которых меня занимали, по существу, то был все тот же протак. От своих протакнов я как раз хотел бежать, да и предложения в тот момент были подходящие: «Семнадцать мгновений весны», «Робинзон Крузо». Но и Василия Макаровича я не мог обидеть — это он ведь меня породил: с Пашки Колокольникова я начался как актер.

Прошел день, второй, третий. Мне звонят ассистенты, я чего-то придумываю, но становится ясно: Куравлев не хочет...

Иду я однажды по длинному-длинному коридору Студии имени М. Горького к Т. Лиозновой на кинопробу с Л. Броневым в «Семнадцати мгновениях весны» и вдруг вижу: навстречу дви-

жется Шукшин. Бежать некуда, да и глупо бежать, бездарно бежать — взрослый же я человек... Встречаемся: глаза в глаза, левая рука в кармане брюк, левым плечом к стене привалился:

— Постой-постой! Поговорим!

А я стою, как мальчишка, потому что о чем говорить? Я же перед ним кругом виноват.

А он глаза сузил и говорит:

— Что ж ты мне под самый-то дых дал?

И вдруг — такая штука... Ну, спасал я себя, конечно, но все получилось как-то инстинктивно. Я сказал:

— Вася, ну, кто лучше тебя сыграет? Ну, кто? Я-то лучше не сыграю! — В этом я был в высшей степени искренен. — Ты написал, ты знаешь... Ну, кто — лучше тебя?

Бывает, что самая простая, для всех очевидная мысль тебе самому иногда и в голову не приходит, другие видят, а ты — нет.

— Да? — спросил он, словно не веря.

— Ну, конечно! Играть сам!

Вот так получилось, что Ивана в «Печках-лавочках» сыграл не я...

Работоспособность его была поразительна.

Многим из нас необходимо нечто вроде кабинетного вакуума: особая обстановка, специальный настрой — тогда приходит желание работать. А в Шукшине поражала настолько идеальная неприхотливость, что он уже «читался» предметом природы, как некий камень, который можно поднять, осмотреть со всех сторон, положить на место.

Мне рассказывали товарищи, что Василий Макарович, когда снимался у других режиссеров, уже в конце 60-х — начале 70-х годов, в перерыве между съемками мог присесть где-нибудь в сторонке и писать. Я лично не замечал такого, зато видел другое.

Летом 1962 года мы снимались в фильме «Когда деревья были большими». Жили вместе на застекленной террасе небольшого домика, где стояли только две железные кровати с пружинными матрасами; даже стола не было. Садясь на кровать, человек утыпал в пружинах, колени вздымались высоко вверх. Но как раз это Шукшина и устраивало: в таком не слишком удобном положении он писал, положив на колени книжку, а на нее — тонкую ученическую тетрадку в клетку. В эти минуты он ничего не слышал, никого не замечал. Писал и писал. И очень много читал.

На зорьке рыбачили. Василий Макарович смотрел на речку, изредка покашливая, молча... Вообще-то любил он молча слушать тишину, да и молчал как-то по-своему, по-шукшински: весь уходил в себя, сосредоточивался, и

взгляд у него в тот момент становился отсутствующим...

Вдруг всплеск. Совершенно уверенный, что клюет именно у него, Шукшин восклицал:

— Вот она! — и радостно смеялся, по-детски открыто и наивно.

Один большой писатель сказал, что наивность — художническая черта. Василию Макаровичу была как раз присуща эта «слабая» черта, и в ней выражалась его натура художника.

В начале 60-х годов Шукшин очень радовался, что его рассказы начали появляться в периодике, радовался как-то очень наивно и по-детски:

— Лёнь, знаешь, напечатали, — и, смущаясь, даже немного растерянно показывал журнал.

В подобные минуты он был необыкновенно обаятелен.

...Все приходит мне в голову одна и та же фраза: «Шукшин меня породил, и жаль, что он не успел меня убить». Что я имею в виду?

Василий Макарович всем актерам, с которыми работал, доверял. Пусть извинят меня коллеги за такое сравнение, но в большинстве случаев для режиссеров актер, в том числе и я сам, — чemoдан с наклейкой, а наклейка — его амплуа. А Шукшин срывал знакомые уже по многим фильмам ярлыки, ему важно было угадать, что же еще есть в закрытом для других «чemoдане»? Он умел угадывать потенциальные возможности актера, поручая ему роли, идущие вразрез с устоявшимся амплуа, умел угадывать то, что скрыто от других, умел подбирать к каждому свои ключи. Но вот как Василий Макарович это делал, не могу объяснить, — это даже не режиссерская, профессиональная, а человеческая тайна, которую он унес с собой...

Я сказал «Шукшин меня породил...» вот почему: мне и по сей день охотнее всего доверяют в кино наивных простаков, но Василий Макарович явился здесь, может быть, главным «виновником», сняв меня в картине «Живет такой парень». Был бы он жив, я, возможно, стал бы играть и нечто другое — Шукшин «угрозил» мне новыми работами, а одну «угрозу» успел выполнить: доверил драматичную роль Степана в фильме «Ваш сын и брат». Вполне возможно, что роль в будущей эпопее «Степан Разин», на которую он приглашал, я бы под его началом тоже сыграл настолько удовлетворительно, что те, кто видит во мне «чemoдан с наклейкой», сказали бы: «Неплохо», то есть «не Куравлев».

...Речь идет о Ларьке Тимофеева, и я хочу расшифровать, что значит вторая половина фразы «...и жаль, что он меня не убил».

Судя по тому, что Василий Макарович рассказывал о Ларьке, я не мог играть по-

добную роль. Но уверенность Шукшина в том, что именно мне предстоит играть Тимофеева, не вызвала никаких сомнений.

Уже шла работа. Уже два-три раза мы говорили о том, каков Ларька и каким он должен быть в моем исполнении.

Вообще надо заметить, что кинофильм очень отличался бы от романа, а образ Степана Разина и подавно был бы совсем иным. Судя по разговорам с Василием Макаровичем — иногда отрывочным, иногда подробным, он пересмотрел фигуру Разина довольно резко. Поначалу тот ведь больше напоминал чуть ли не былинного героя. Но чем дальше, тем больше в Шукшине брал верх реалист: в Степане исчезал налет сусальности и лубка и на первый план выступал резко очерченный живой человек — вождь крестьянской войны.

В киноварианте трансформация ожидала и Ларьку Тимофеева. Хотя в романе он, можно сказать, совсем не выписан, в кинокартине и он изменился бы и стал одним из главных героев. Судя по тому, как замыслилась роль, она должна была быть очень сложной. Автор видел в Тимофееве человека, невероятно, до болезненности преданного Разину.

Не довелось...

Весной 1973 года Василий Макарович позвонил:

— Лёнь, приезжай завтра на «Мосфильм» — покажу картину.

На следующий день я увидел только что законченную «Калину красную». Не буду говорить о том потрясении, какое я испытал, увидев фильм... На экране Шукшин несколько раз разговаривает с березами. Как с реальным действующим лицом. На равных. Но что такое береза? Величайший символ русской земли. Поставь рядом с березами другого актера, который вот так же начнет с ними говорить, и, я боюсь, это окажется фальшивым, будет шокировать зрителя. А вот Шукшин имеет право обращаться к березам. Он говорит с ними, и я ему верю. Верю до зависти...

А еще вспомнилась одна его фраза. Дело было на Алтае, на Чуйском тракте, где мы снимали натуру для фильма «Живет такой парень». Тогда в кадре требовалось солнце, а несколько дней подряд лили дожди. И Василий Макарович, и все мы нервничали, все ждали, что погода наладится, а она не ладилась никак. И вот здесь в какой-то раздумчивости, не конкретно мне, а как бы задавая вопрос самому себе, Шукшин вдруг сказал:

— Неужели моя земля меня подведет?..

В трудную минуту обратился он за помощью к родной земле, и она его не подвела — на редкость щедро вдруг стало светить алтайское солнце. Но тогда я мало знал Шукшина, и слова его показались мне выпендривом. Только много позже я понял, что он имел на них право: Шукшин был сыном родной земли — плоть от плоти ее.

Как березы...

Леонид КУРАВЛЕВ, народный артист РСФСР.